

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗДЕРЖКИ ОППОРТУНИСТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В ОТНОШЕНИЯХ ВЛАСТИ И БИЗНЕСА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Сукиасян Артур Хачатурович, кандидат социологических наук, доцент

Волгоградский филиал Российского государственного торгово-экономического университета
400131, Россия, г. Волгоград, ул. Волгодонская, 11
E-mail: satha@inbox.ru

В статье анализируются проблемы взаимодействия власти и бизнеса в современной России. Выделяется и дается характеристика оппортунизма как основополагающего элемента в отношениях власти и бизнеса. Определяются политические издержки оппортунистического поведения в диаде «власть – бизнес».

Ключевые слова: власть, бизнес, оппортунизм, политические издержки, асимметрия

THE POLITICAL COSTS OF OPPORTUNISTIC BEHAVIOR IN INTERACTION BETWEEN GOVERNMENT AND BUSINESS IN THE MODERN RUSSIA

Sukiasyan Arthur K., Ph.D. (Sociology), Associate Professor

Volgograd branch of the Russian State University of Trade and Economics
11 Volgodonskaya st., Volgograd, 400131, Russia
E-mail: satha@inbox.ru

The paper analyzes the problem of interaction between government and business in modern Russia. Opportunism as a fundamental element in the relationship between business and government is described and marked out. Defined the political costs of opportunistic behavior in the dyad "power-to-business".

Keywords: government, business, opportunism, political cost, asymmetry

Проблема оппортунистического поведения в отношениях власти и бизнеса весьма актуальна в силу того, что традиционно российская деловая культура является отношенческой, т.е. характеризуется распределением ресурсов по *аскриптивным* критериям, высокой ролью личного фактора, порой даже «личного над профессиональным», преобладанием асимметричных отношений в диаде «власть – бизнес» (значительностью «связей и знакомств»). Оппортунизм, как степень следования актора собственным интересам, подробно рассмотрен в работах Оливера Уильямсона [7]. В современной науке под оппортунизмом понимают следование своим интересам, в том числе обманом путем, включая сюда такие явные формы обмана, как ложь, воровство, мошенничество, но едва ли ограничиваясь ими. Намного чаще оппортунизм подразумевает более тонкие формы обмана, которые могут принимать активную и пассивную форму, проявляться *ex ante* и *ex post*. Таким образом, с точки зрения Оливера Уильямсона, оппортунизм является такой формой поведения агента, когда им/ею предоставляется неполная или искажённая информация (в том числе обман, введение в заблуждение, искажения и сокрытие истины или другие типы запутывания партнёра). Подобное поведение ведёт к возникновению информационной асимметрии, что усложняет взаимодействие и организацию как до заключения сделки (*ex ante*), так и после (*ex post*). Как отмечает А. Шаститко [9], оппортунистическое поведение – это ключевая концепция неинституциональной теории, объясняющая принципы поведения человека. Ее суть выражается в стремлении индивида реализовать собственные эгоистические интересы, которые сопровождаются проявлениями коварства и обмана. Неинституционализм выделяет несколько форм оппортунистического поведения, среди них, например, неблагоприятный отбор и субъективный риск. Наряду с ограниченной рациональностью оппортунистическое поведение служит

основанием для воспроизводства проблемы координации и разрешения распределительных конфликтов.

Оппортунизм – это способ действия агента в соответствии с собственными интересами, не ограниченный моральными устоями и противоречащий интересам других агентов. Под оппортунизмом можно также понимать использование асимметрии информации в целях извлечения выгоды в ущерб интересам контрагентов. Наиболее явные формы оппортунистического поведения – ложь, мошенничество и воровство. Однако проблема оппортунизма не ограничивается явными его формами. В основе любого оппортунистического поведения лежат асимметрия информации и неопределенность. Партнер не может знать всех обстоятельств и намерений другого партнера до заключения контракта и тем более не может знать всех деталей поведения партнера после того, как контракт уже заключен.

Проблема оппортунистического поведения порождает три чрезвычайно важных последствия в аспекте объяснения принципов поведения экономических, политических агентов. Во-первых, всеобщность контрактных отношений означает, что оппортунизм пронизывает любые формы взаимодействия агентов. Во-вторых, оппортунизм порождает огромные издержки по защите от этого типа поведения. Такие издержки относят к трансакционным, и они доминируют в данном классе издержек. В-третьих, индивидуальная защита от оппортунизма весьма сложна и влечет за собой огромные затраты. В этом смысле институты, будучи устойчивыми правилами поведения, являются основным инструментом противодействия оппортунистическим действиям. Анализируя различные определения оппортунизма, можно выделить следующие структурные элементы, позволяющие охарактеризовать эту категорию.

Несовпадение интересов контрагентов. Актор осуществляет хозяйственную деятельность исходя из личных интересов. При совпадении интересов контрагентов проблемы оппортунистического поведения сторон не возникает. Возможность недобросовестного поведения одной из сторон появляется при расхождении интересов контрагентов.

Асимметрия информации предоставляет информационные преимущества одной из сторон, что обуславливает возможность оппортунистического поведения.

Скрытый характер недобросовестного поведения на основе манипулирования асимметричной информацией. Иными словами, агент-оппортунист не стремится раскрыть характер своей деятельности, в противном случае следовало бы говорить не об оппортунизме, а об открытой конфронтации.

Ущерб контрагента. В результате оппортунистического поведения одна из сторон увеличивает свою полезность в одностороннем порядке и таким образом уменьшает полезность другой стороны.

Преднамеренность действий означает, что для субъекта оппортунистического поведения сущность его действий всегда очевидна, данный индивидуум сознательно использует сложившуюся ситуацию и не предоставляет контрагенту информацию о своих действиях.

Таким образом, оппортунистическое поведение можно определить как преднамеренное скрытое действие агента, основанное на использовании информационных преимуществ и направленное на достижение личного интереса в ущерб другим участникам имплицитного соглашения.

Примером оппортунизма *ex ante* при взаимодействии между властью и бизнесом является проблема неблагоприятного отбора (англ. *adverse selection*). Такая ситуация наблюдается, в частности, когда доступ к социально значимым проектам предоставляется аффилированным бизнес единицам ввиду значительности «связей и знакомств». Например, основная часть системы государственного заказа поражена проблемой неблагоприятного отбора, когда получая доступ к участию в тендерах, аукционах, аффилированные бизнес структуры проявляют недобросовестное отношение к исполнению своих обязанностей, как следствие – неопределенность качества.

Примером оппортунизма *ex post* является ситуация риска безответственности (морального риска, англ. *moral hazard*). Проявляется в том, что одна из сторон по контракту может поменять своё отношение к предмету контракта (осуществляет действия или бездействие), в результате чего увеличиваются риски для другой стороны. В частности, ситуация риска безответственности «пронизывает» все уровни подготовки и проведения залоговых аукционов в современной России как один из механизмов приватизации. В свое время Пол Хлебников данную ситуацию комментировал так: «Покупая у государства активы в ходе такой закулисной сделки и по столь заниженной цене, вы (имеется в виду бизнес-сообщество) рискуете, что ваши права на новую собственность никогда не будут надежно защищены. Сограждане будут считать вас мошенником, а государство – скорее хранителем активов, чем их подлинным владельцем» [8].

Более того, взаимоотношения власти и бизнес-сообщества в современной России характеризуются институциональным компромиссом. Это некое соглашение между участниками, а также их контролерами о частичном нарушении правила, благодаря которому данное правило вообще можно выполнить [4, с. 95–108]. Данная институциональная среда задает гибкость, но не гибкими правилами, а возможностями гибкого ухода от законов и правил [3, с. 51], в результате чего осуществляется обмен социально-политическими ресурсами, который может носить паритетный характер, а сделки отличаются большей надежностью, по выражению Дж. Коулмена, означающей, что обязательства будут исполнены посредством доверительной расписки, понимая ее как обязательство за услугу [1, с. 127]. Более того, в России существуют параллельные институциональные режимы (одни и те же деловые практики регулируются разными блоками правил). Один и тот же объект, одни и те же операции оформляются или регулируются разными институциональными порядками, т.е. они различаются по степени легальности, но при этом замечательно сосуществуют. Это не означает, что есть свободный рынок выбора правил, он сегментирован с точки зрения этих правил [5, с. 18–25].

Кроме этого, характер взаимоотношений между властью, бизнесом в современной России детерминируется социокультурным расколом. Квинтэссенция данного феномена состоит в том, что самопроизвольно усиливающаяся социальная дифференциация не была перманентно уравновешена формированием интегративных систем, функционирующих в соответствии с принципом обратной связи. Применительно к ситуации асимметричных столкновений необходимым условием стабильности является единство ценностно-нормативного пространства как результата добровольного выбора, в котором большинство участников взаимодействия придерживались бы правил игры без принуждения. Однако этакратизм и патернализм, как основополагающие начала нормативно-ценностного порядка, синкретичность нормативно-ценностного пространства политической системы определяют темпоральность и ситуативность во взаимоотношениях власти и бизнеса, а также проблематичность становления бизнес-сообщества в качестве политического субъекта в современной России. Легитимность всевластия государства и его особая роль в экономике позволяют говорить о том, что этакратическая модель развития с характерной для нее сращенностью власти и собственности по-прежнему остается в России нормой общественного сознания. Право государства на ограничение прав частных собственников (но только в части собственности на средства производства) вплоть до прямого изъятия этой собственности, статус государства как основного собственника и субъекта экономического развития, патрон-клиентские отношения между ним и населением и т.д. – лишь некоторые следствия господства в общественном сознании этакратической модели развития как нормы [6]. Поэтому российское бизнес-сообщество вынуждено реализовывать свою социально-политическую деятельность в контексте превалирования неформальных практик, «режима консультаций». Подобный контекст ограничивает свободу действий бизнес-сообщества в свете реализации собственных социально-политических инициатив, вследствие чего действия бизнес-сообщества неред-

ко характеризуются компульсивностью. Подобному формату взаимодействия между властью и бизнес-сообществом в контексте социокультурного раскола есть ряд объяснений:

- особенности социокультурных составляющих сознания, характеризующегося как холистическое, интуитивное и противопоставленное механистическому, редуционистскому;
- традиции патерналистского управления – высокие социальные экспектации при инерционности социума и нигилизме;
- административно-бюрократическая культура – формирование и содействие многообразной системе неформальных отношений между властными структурами и бизнес-сообществом;
- рассогласованность приоритетов в иерархии ценностей; низкий уровень культуры доверия в триумвирате «бизнес – общество – государство» в силу декаденции;
- социализационный лаг: состояние социально-политической среды и ценностные приоритеты бизнес-сообщества не соотносятся между собой непосредственно; между ними вклинивается существенный временной лаг, ибо базовые ценности бизнеса в значительной степени отражают условия тех лет, которые предшествовали его социально-политической дееспособности;
- институционализация власти и собственности осуществляются одновременно; смена власти обязательно сопровождается ревизией отношений собственности;
- превалирование аскриптивно-партикуляристских норм личного служения;
- негативная конкуренция государства и бизнеса в современной России из-за дефицита открытого социального капитала; наличие открытого социального капитала способствует развитию конкуренции;
- российский бизнес как никогда ощущает на себе последствия кризиса легитимации, основой которого является кризис мотиваций – дисконгруэнтность (несоответствие) между мотивами и потребностями бизнес-сообщества и возможной их компенсацией в политической системе.

Такой подход обусловлен тем, что интеграция России в глобализированное пространство предполагала гомогенность институциональных образований, однако массовый и скоротечный импорт институтов привел к институциональным разрывам социальной, политической и других сфер, усилению склонности как бизнеса, так и государства к оппортунистическому поведению. В сложных институциональных системах неизбежно возникают институциональные разрывы – между смежными институтами, между правилами игры и правилами контроля, наконец, между институциональными уровнями. Такой разрыв означает, что не обеспечена связка между смежными правилами, что новые и существующие институты не комплементарны. Институциональные разрывы могут возникать стихийно, но это не означает, что в их появлении нет никакой логики, пусть даже эта логика и противоречит требованиям эффективности. Одной из причин институциональных разрывов может быть несовпадение степени сложности нового института и общего состояния институциональной среды. Из сказанного можно сделать два вывода. Во-первых, в несовершенной институциональной среде подчас лучше могут работать более простые институты, даже если с точки зрения высокой теории они представляются неэффективными. Во-вторых, для запуска более эффективных, сложных институтов необходимы навыки пользования новыми институтами и определенная степень доверия к ним со стороны экономических, политических агентов, поскольку в противном случае издержки мониторинга и контроля, направленные на предотвращение оппортунизма, окажутся запретительно-высокими и будут блокировать использование новых институтов. Принцип так называемой комплементарности институтов, утверждающий, что институты существуют в связках и желанный экономический эффект достигается только через взаимосвязанные институциональные изменения.

Вторая проблема, которая также часто упускается из виду, проистекает из неоднородности институтов. Начнем с того, что помимо правил поведения, регулирую-

щих действия участников рынка, существует другая группа правил, регламентирующих механизмы поддержания правил и понуждения к их исполнению. Они регулируют поведение тех, кто контролирует соблюдение условий игры участниками рынка. Таким образом, правила игры дополняются тем, что можно назвать правилами контроля [2]. Лишь учитывая такие принципы, как комплементарность и неоднородность институтов, можно исключить в отношениях власти и бизнеса имитацию, как алгоритма взаимодействия, так и его результата, тем самым блокируя оппортунистическое поведение.

Более того, усиление склонности как бизнеса, так и государства к оппортунистическому поведению детерминировано тем, что процесс социокультурной модернизации характеризуется рудиментарностью. Под социокультурной модернизацией подразумевается формирование определенного типа сознания и детерминированных им поведенческих практик индивидов, протекающее во внутреннем единстве с формированием соответствующих общественных институтов. Наблюдается разложение традиционалистских взглядов. Однако при этом не надо путать временные, ситуативные откаты назад с устойчивой долговременной тенденцией разложения традиционалистской модели сознания, ее эрозией. Достаточно типична для современной России ситуация, когда отказ от традиционалистских норм не приводит к принятию ценностей модерна, заменяясь прагматизмом и утилитаризмом. Вследствие чего социум не обладает возможностью руководствоваться социокультурным законом, то есть существует конфронтация между укоренившимися программами деятельности и инновациями. Вектор развития социума характеризуется только адаптацией к социокультурному противоречию, устранением эскалации. Поэтому вполне адекватным представляется сосуществование групп, дифференцирующихся степенью совершенности их в преобразовании мировоззрения и поведенческих норм [6].

В качестве средств социального контроля во избежание оппортунизма можно рассматривать институционализацию социальной ответственности бизнеса. Основанием социальной ответственности является социальное действие, которое характеризуется преднамеренностью, мотивированностью и ориентированностью на другого (других). Перспективы институционализации корпоративной социальной ответственности на региональном уровне связаны с ревизией последовательности и связи компонентов доктрины корпоративной социальной ответственности, созданием фондов местного сообщества, выступающих как катализатор артикуляции социальных интересов, диверсификацией грантов общественным объединениям на конкурсной основе под проекты социальной направленности с высокой периодичностью, формированием механизма социальных инвестиций, применением компаниями в своей деятельности стандартизированных социальных отчетов как цивилизованного способа диалога с социумом и властью; на федеральном уровне – с формированием новой системы государственного регулирования корпоративной социальной ответственности, выражающейся в оказании влияния на социальное развитие в той мере, в какой бизнес-сообщество не может адаптироваться к изменившимся обстоятельствам деятельности посредством обеспечения законодательных гарантий константности и долговременности подобной политики, законодательным закреплением механизма преференций и зачетов за ответственное поведение компаний перед обществом, а также преодолением дивергенции между значительным диапазоном накопившихся социокультурных изменений и несоответствующим уровнем институционального развития.

Таким образом, политические издержки оппортунистического поведения в отношениях власти и бизнеса сводятся к деформации социального капитала, что выражается, во-первых, в сужении радиуса взаимного доверия, во-вторых, в ослаблении позитивного и усилении негативного потенциала взаимного доверия.

Список литературы

1. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий / Дж. Коулман // *Общественные науки и современность*. – 2001. – № 3. – С. 121–139.
2. Кузьминов Я. И. Институты: От заимствования к выращиванию: Опыт российских реформ и возможное культивирование институциональных изменений / Я. И. Кузьминов, В. В. Радаев, А. А. Яковлев, Е. Г. Ясин. – М. : ГУ-ВШЭ, 2005.
3. Нестандартная занятость в российской экономике / под ред. В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капелюшниковой. – М. : ГУ-ВШЭ, 2006.
4. Радаев В. В. Легализация российского бизнеса как институциональная проблема / В. В. Радаев ; под ред. Т. И. Заславской. – М. : МВШСЭН, 2002.
5. Радаев В. В. Что такое экономическое действие? / В. В. Радаев // *Экономическая социология*. – 2002. – Т. 3, № 5. – С. 18–25.
6. Тихонова Н. Е. Социокультурная модернизация в России (Опыт эмпирического анализа) / Н. Е. Тихонова // *Общественные науки и современность*. – 2008. – № 3. – С. 5–20.
7. Уильямсон О. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация / О. Уильямсон. – СПб : Лениздат, 1996. – 702 с.
8. Хлебников П. Дело «ЮКОСА»: Веха на пути к законности / П. Хлебников // *Ведомости*. – 18.11.2003. – № 45 (234).
9. Шаститко А. Предметно-методологические особенности новой институциональной экономической теории / А. Шаститко // *Вопросы экономики*. – 2003. – № 1. – С. 24–41.

References

1. Koulman Dzh. Kapital social'nyj i chelovecheskij / Dzh. Koulman // *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. – 2001. – № 3. – S. 121–139.
2. Kuz'minov Ja. I. Instituty: Ot zaimstvovaniya k vyrashhivaniyu: Opyt rossijskih reform i vozmozhnoe kultivirovanie institucional'nyh izmenenij / Ja. I. Kuz'minov, V. V. Radaev, A. A. Jakovlev, E. G. Jasin. – M. : GU-VShJe, 2005.
3. Nestandartnaja zanjatost' v rossijskoj jekonomike / pod red. V. E. Gimpel'sona, R. I. Kapel'jushnikova. – M. : GU-VShJe, 2006.
4. Radaev V. V. Legalizacija rossijskogo biznesa kak institucional'naja problema / V. V. Radaev ; pod red. T. I. Zaslavskoj. – M. : MVShSJeN, 2002.
5. Radaev V. V. Chto takoe jekonomicheskoe dejstvie? / V. V. Radaev // *Jekonomicheskaja so-ciologija*. – 2002. – T. 3, № 5. – S. 18–25.
6. Tihonova N. E. Sociokul'turnaja modernizacija v Rossii (Opyt jempiricheskogo analiza) / N. E. Tihonova // *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. – 2008. – № 3. – С. 5–20.
7. Uil'jamson O. Jekonomicheskie instituty kapitalizma: Firmy, rynki, «otnoshencheskaja» kontraktacija / O. Uil'jamson. – Spb : Lenizdat, 1996. – 702 s.
8. Hlebnikov P. Delo «JuKOSA»: Veha na puti k zakonnosti / P. Hlebnikov // *Vedomosti*. – 18.11.2003. – № 45 (234).
9. Shastitko A. Predmetno-metodologicheskie osobennosti novoj institucional'noj jekonomicheskoy teorii / A. Shastitko // *Voprosy jekonomiki*. – 2003. – № 1. – S. 24–41.

**СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ПРОТЕСТНОГО ДВИЖЕНИЯ:
НА ПРИМЕРЕ «МАРША МИЛЛИОНОВ» В МОСКВЕ И ДВИЖЕНИЯ
«ЗА ЧЕСТНЫЕ ВЫБОРЫ» В АСТРАХАНСКОМ РЕГИОНЕ¹**

Бочарникова Ирина Станиславовна, кандидат социологических наук, доцент

Астраханский государственный университет
414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: omenk@list.ru

Зубова Оксана Геннадьевна, кандидат политических наук, доцент

Московский гуманитарный институт им. Е.Р. Дашковой
127349, Россия, г. Москва, ул. Лескова, д. 6б
E-mail: zubovaoksana@bk.ru

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ проекта № 12-03-00361 «Механизм рекрутирования молодежи в экстремизм».